

Предъ вратами вѣчности

(последніе дни жизни почившаго профессора Алексѣя Ивановича Введенскаго).

Въ актовѣ рѣчи, произнесенной почившимъ профессоромъ Алексѣемъ Ивановичемъ за десять лѣтъ до его кончины, онъ говорилъ о *времени и вѣчности*. Съ философской точки зрѣнія онъ опредѣлялъ время, съ одной стороны, „какъ перспективу раскрывающейся предъ нашими взорами, въ исторіи и міровомъ порядкѣ, вѣчность“, а съ другой—„какъ символъ усилій, употребляемыхъ для того, чтобы войти своимъ знаніемъ, волею и чувствомъ въ область вѣчнаго или укрыться отъ него“. Въ этой же рѣчи онъ приводилъ выразительное поясненіе психолога Челпанова, сравнивавшего „настоящее“ съ обсерваторіею, „находясь на которой мы созерцаемъ прошлое и будущее“. За годъ до смерти почившій чаще и чаще сталъ вспоминать *вѣчность*. На своемъ юбилеѣ по случаю двадцатипятилѣтней педагогической дѣятельности онъ говорилъ, что „до этого предѣла человекъ идетъ въ гору, а потомъ подъ гору—къ закату“ и, какъ бы предчувствуя свою кончину, вспомнилъ „столѣтнюю старицу—Академію“, которая должна „пережить всѣхъ своихъ сочленовъ“.

И вотъ закатъ его жизни наступилъ. „Столѣтняя старица“ пережила его, сама не доживъ еще ко дню его смерти до ста лѣтъ. Но теперь и ей исполнилось сто лѣтъ. И въ ея

юбилей невольно вспоминается и говорившій о ея юбилеѣ. Пишущій эти строки зналъ почившаго какъ ученикъ, сослуживецъ и братъ. Но, какъ учитель, почившій имѣеть многочисленныхъ учениковъ, которые говорили и говорятъ о немъ, какъ о своемъ учителѣ. Одинъ изъ почетныхъ сослуживцевъ вспомнилъ его добрымъ словомъ въ юбилейномъ біо-библіографическомъ академическомъ сборникѣ. Интимныя же чувства,—а въ данномъ случаѣ и чувство брата,—чаще всего живутъ и умираютъ въ сердцѣ близкихъ.

Я хочу въ настоящій разъ сказать только нѣсколько словъ о практическомъ предсмертномъ рѣшеніи почившимъ всегда интересовавшаго его вопроса о *вѣчности*, о его настроеніи въ послѣдніе дни жизни. Часто приходится слышать, что теорія одно, а практика другое. Философское міросозерцаніе можетъ быть одно, а практическое разрѣшеніе жизненныхъ задачъ—другое... Для почившаго же его философія была и его искреннимъ исповѣданіемъ.

Почившій вошелъ уже въ вѣчность, а съ точки зрѣнія вѣчности для него имѣеть теперь цѣнность лишь самосвидѣтельство его личной вѣры и жизни, а не свидѣтельство отъ внѣшнихъ... Поэтому, казалось-бы, и нѣтъ надобности говорить о его предсмертномъ христіанскомъ упованіи. Но воспоминаніе о послѣднихъ дняхъ его жизни можетъ имѣть значеніе для тѣхъ, кто еще находится въ „обсерваторіи“, созерцаетъ свое прошлое и заглядываетъ въ будущее, а чрезъ это будущее и въ вѣчность. Въ этомъ я и вижу главное побужденіе для напечатанія ниже слѣдующихъ строкъ о послѣднихъ переживаніяхъ почившаго.

Я помню первую встрѣчу съ заболѣвшимъ уже братомъ. Онъ встрѣтилъ меня непоколебимой увѣренностью... не въ возможности новой земной жизнедѣятельности, а въ томъ, что онъ уже опредѣленно всталъ предъ вѣчностью. И я съ первыхъ же дней его болѣзни воспринялъ въ сердцѣ эту его увѣренность и, глядя на него, уже начавшаго страдать, успокаивался тѣмъ, что онъ такъ скоро,—скорѣе, чѣмъ я ожидалъ,—подошелъ къ практическому разрѣшенію вопроса о переходѣ отъ временнаго къ вѣчному. Среди посѣщавшихъ почившаго были любившіе и почитавшіе его. Они искренно скорбѣли о немъ. Такимъ онъ говорилъ: „можетъ быть это и грустно, но, кажется, мнѣ опредѣленно постав-

лень для практическаго разрѣшенія вопроса о вѣчности—и я уже готовлюсь къ ней“. Я слышалъ слова искренно сочувствовавшихъ больному—и какъ то рѣшился сказать ему: „значить, твоя философія вполне примиряетъ тебя со всякимъ возможнымъ исходомъ твоей болѣзни“.—„Ужели ты сомнѣваешься въ этомъ?!—сказалъ онъ на это—и прибавилъ: я постигаю, какъ постепенно надрываются нити, связывавшія меня съ землей и какъ вѣчность приближаетъ меня къ себѣ“. При этомъ онъ рѣшительно дѣлалъ распоряженіе о сдачѣ постоянно снимавшагося имъ номера въ новой лаврской монастырской гостиницѣ и о доставкѣ ему книгъ и вещей, хранившихся въ номерѣ. Я убѣждалъ его подождать съ такими распоряженіями, но онъ оставался вѣренъ своему внутреннему чувству. И это то его внутреннее я, вставшее уже передъ вѣчностью, особенно стало ясно для меня за два мѣсяца предъ его кончиною, когда онъ изъ Екатерининской больницы переѣхалъ въ лечебницу Руднева, на Арбатѣ.

Близились дни Рождества. Тоскливо было у больного на душѣ. Рождество онъ любилъ встрѣчать и проводить въ семьѣ. Къ тому же, его недугъ переходилъ въ жгучую боль... Плоть его немощствовала, но, однако, духъ бодрствовалъ, какъ и прежде. Онъ просилъ читать ему Евангеліе и часто и подолгу смотрѣлъ на древнюю икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, которая была прислана ему Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной. Икона стояла предъ нимъ на столикѣ.

Тяжело было по временамъ смотрѣть на страданія умирающаго, но увѣренность въ томъ, что онъ самъ принимаетъ свой крестъ, мирила съ этими страданіями. „Вѣдь, чѣмъ болѣе отталкиваешь крестъ, тѣмъ онъ становится тяжелѣе“—неоднажды повторялъ почившій мысль одного философа. Какъ разъ въ это время я привезъ съ собою своего сына-мальчика—крестника почившаго. Послѣдній благословилъ его и прочелъ ему цѣлое наставленіе. Меня удивило его прекрасное знаніе библейскихъ изреченій, изъ которыхъ состояло прощальное наставленіе. Въ это же время, помнится, пріѣхалъ навѣщать больного брата студентъ Академіи 4-го курса Ѳ. К. Андреевъ, занявшій, позднѣе, по указанію почившаго, его кафедру въ Академіи. Больной съ радостью встрѣтилъ своего ученика. „Вамъ придется занять,—такъ приблизительно на-

чалъ говорить почившій,—мою каяедру. Каяедра отвѣтственная. Дѣла вамъ много“.. И далѣе страдавшій учитель повелъ бесѣду съ своимъ ученикомъ и будущимъ замѣстителемъ его о тѣхъ философскихъ вопросахъ, которые ему надлежало поставить на первую очередь для разрѣшенія. И во всѣхъ этихъ вопросахъ, какъ понялъ я, вопросъ о высшихъ цѣнностяхъ занималъ первое мѣсто.

Почитатели почившаго нерѣдко приносили къ нему живые цвѣты. Онъ съ любовью и благодарностью принималъ ихъ и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ вазѣ съ цвѣтами мѣнялась вода. „Это меня напутствуютъ... Я люблю цвѣты... Не буду противъ, если и послѣ моей кончины будутъ возложены они. Можетъ быть у меня нѣтъ той скромности, по которой отказываются иногда отъ цвѣтовъ; но живымъ пріятнѣе будетъ смотрѣть на меня умершаго, если смертное будутъ прикрывать живые цвѣты. Цвѣты, какъ символъ свѣжести и жизни, какъ то примиряють со смертью“.

Постепенно угасала жизнь почившаго и вмѣстѣ съ этимъ далѣе и далѣе отходила отъ него увѣренность въ благоприятномъ исходѣ его болѣзни. Посѣщавшіе больного пробовали доказывать ему, что его болѣзнь не къ смерти. Они приводили разныя аналогіи къ его недугу съ указаніемъ на возможность полнаго возстановленія здоровья. Больной какъ будто раздѣлялъ ихъ надежды, но послѣ ухода ихъ говорилъ: „нѣтъ эти аналогіи, кажется, не для меня“...

Были среди успокаивавшихъ почившаго и лица, съ которыми онъ расходился иногда при жизни въ своемъ міросозерцаніи, но которые, повидимому, цѣнили въ немъ серьезнаго и вдумчиваго мыслителя. Онъ привѣтливо встрѣчалъ ихъ, но послѣ ихъ ухода говорилъ мнѣ: „я примирился въ душѣ со всѣми—передай это всѣмъ. Всѣхъ прошу и меня простить; только своихъ убѣжденій я никогда не могъ и не могу примирить съ чужими, если мы находимся на разныхъ полюсахъ“.

Не задолго предъ смертью почившій попросилъ принести ему богослужебныя книги и пожелалъ, чтобы ему читали изъ нихъ. Это дѣлали или братъ его—священникъ, или сестра—монахиня. Ночью, когда сплѣвшими у его постели овладѣвала дремота, онъ, уже совсѣмъ изнемогавшій, нерѣдко бралъ то ту, то другую богослужебную книгу и самъ чи-

талъ ее, подчеркивая карандашемъ тѣ мѣста, которыя почему либо обращали особое вниманіе его. И доселѣ еще цѣлы нѣкоторыя карандашныя помѣтки на книгахъ, преимущественно богослужебныхъ, которыя почившій читалъ въ послѣдніе дни своей жизни. Однажды я засталъ его за чтеніемъ „Канона на исходъ души“. „Какъ много въ этихъ книгахъ,— замѣтилъ мнѣ при этомъ почившій,—глубокихъ рѣшеній философскихъ вопросовъ“.

Я попросилъ однажды неотлучно находившуюся у постели больного сестру записывать свои наблюденія надъ умирающимъ. Она сдѣлала это. Въ ея записяхъ часто отмѣчаются безсонныя ночи больного, во время которыхъ онъ по временамъ читалъ, или даже пѣлъ церковныя пѣснопѣнія и догматики, а иногда воспроизводилъ вслухъ цѣлыя лекціи, которыя, очевидно, были особенно близки сознанію умирающаго. И это были лекціи о реальности потусторонняго бытія.

Почившій часто пріобщался Святыхъ Таинъ. Еще на ногахъ соборовался онъ.

Не задолго предъ смертію онъ также пожелалъ пріобщиться. Желаніе его было исполнено.

На этотъ разъ дежурившей у него сестрою оказалась еврейка. Догадываясь объ этомъ, больной спросилъ: „сестра, вы еврейка?“

— Да, отвѣчала дежурившая.

— Вы внимательно ходите за мною—и я вамъ очень благодаренъ. Но сегодня я пріобщался св. Таинъ, то есть Плоти и Крови Того, въ Кого вы не вѣруете. А поэтому прошу васъ сегодня уже не услуживать мнѣ. Нѣкогда и евреи войдутъ въ Церковь Христову... Объ этомъ есть и пророчество, а теперь оставьте меня...

Сестра-еврейка отвѣтила: „я понимаю, понимаю васъ“...

Послѣ я видѣлъ эту сестру на двухъ панихидахъ, которыя служились у праха почившаго. И сестра-еврейка сказала мнѣ: „какъ я уважала его! Какой рѣдкій организмъ—и какія страданія! Съ удивительнымъ мужествомъ переносилъ онъ ихъ“...

Были, конечно, у почившаго и моменты наивысшаго напряженія борьбы съ тяжелымъ недугомъ и минуты скорбной подавленности, но за ними слѣдовало и полное примиреніе съ страданіями.

Почившій вѣрилъ, что общее упраздненіе времени послѣдуетъ тогда, „когда исполнится его мѣра, и такъ какъ мѣрою *времени* является *вѣчность*, то время будетъ окончательно упразднено лишь тогда, когда во временномъ будетъ осуществлено вѣчное“. Уповаю, что его страданія дали уже ему возможность чрезъ временную жизнь приблизить къ себѣ вѣчность, гдѣ нѣтъ времени и гдѣ духъ, свободный отъ узъ грѣха и плоти, можетъ какъ бы летать

Надъ всѣмъ, чрезъ все, преградъ не зная,—
Забывъ, что значить умереть.—
И вѣчно въ вѣчности витая.

Д. Введенскій.
